

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» КАК ПАРОДИЯ НА ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО АКАКИЯ СИНАЙСКОГО

I

«Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». Одни говорят, что эти слова сказаны Достоевским, другие, что неким французским критиком по поводу Достоевского и приписаны ему по ошибке... Как бы там ни было, эти слова выражают явление, которое было, есть и будет в нашей жизни. Я имею в виду российскую художественную литературу.

Что хотел сказать этими словами Достоевский, если к тому же никогда их не говорил – я не знаю, но как мы, советские люди, вышли из «Шинели» Гоголя, объяснить легко. Мы вышли из «Шинели» Гоголя в том смысле, что согласно методикам преподавания предмета, носившего название «русская литература», любовь к маленькому человеку должна была занять главное место в умах советских школьников, а данная повесть Гоголя давала для воспитания в учащихся такой любви обильную пищу.

И «Шинель» Гоголя, и «Медный всадник» Пушкина, и «Бедные люди» Достоевского, и многие другие сочинения российских классиков советские методички по литературе учили рассматривать как произведения, дающие пример сострадательной любви к униженным и оскорблённым.

Давайте вспомним уроки литературы мы, выпускники советских школ прошлого века. Чей образ встаёт перед нашими мысленными очами при упоминании «Шинели» Гоголя? Всеми обижаемый Акакий Акакиевич. Какой герой из поэмы Пушкина «Медный всадник» рисуется в наших головах возле восседающего на коне главного её героя? Бедный Евгений. Всё верно, и Акакий, и Евгений не могут не вспомниться, потому что именно их учила нас любить наша строгая учительница – советская школа.

Её уроки нам надо бы вспоминать с благодарностью, но приходится говорить о них полермонтовски «с насмешкой горькою обманутого сына». Почему? Ведь, кажется, правильно всё говорили и плохому не учили ни советская школа, ни «Моральный кодекс строителя коммунизма». Однако их уроки были неправильны, и о том, что они были неправильны, красноречиво свидетельствуют советский крах и разбитое корыто современной российской жизни. Хочется всё же разобраться, почему так вышло? Почему учили добру, а получили зло?

Причина происшедшего для верующих людей очевидна – человек сам по себе не может знать, что такое хорошо, и что такое плохо, если способность к такому знанию не будет дана ему свыше. Потому-то и стоит в Евангелии первой заповедью – любовь к Богу, что без любви к Создателю создание вообще ничего не может сделать спасительного для себя и других. Без любви к Богу не может быть истинной любви к ближнему. Без любви к Богу всякая любовь к человеку будет лживой, губительной и злой. *И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф.22:36-40).*

Церковнославянский перевод последнего предложения выглядит иначе: *в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят*. Не просто утверждаются, но именно висят, т.е. подвешены на двух этих заповедях весь закон (Пятикнижие Моисеево) и пророки (обличения и прообразы Пророческих книг). Церковнославянский перевод даёт нам возможность представить, как свисают сверху вниз, словно гроздь, с Неба на землю две эти заповеди, и как к ним цепляются все другие людские узаконения и постановления.

Две лозы, два каната, двое перил лестницы, спущенной человечеству с Неба. Перила справа – основные – возлюби Бога, перила слева – вспомогательные – возлюби ближнего, как самого себя. Церковнославянский перевод и здесь оказывается точнее и глубже синодального перевода,

поскольку не говорит: *возлюби*, ибо странно требовать любви и повелевать чувству, которое может возникнуть только в добровольном и непринуждённом порядке. Церковнославянский переводчик говорит: *возлюбихиши*, что примерно значит: хорошо было бы, если бы ты возлюбил. Не требование, но пожелание, не императив, но оптатив, как называют языковеды глагольную форму, которую мы видим в церковнославянском тексте.

Итак, вторая заповедь не только не может быть правильно выполнена, но легко извращается и перетолковывается по-своему без соблюдения первой заповеди. Любовь к ближнему без любви к Богу превращается в мучение ближнего. Вторая заповедь это, так сказать, десерт, который, будучи подан прежде полноценного обеда, т.е. прежде исполнения первой заповеди, вызовет лишь неутолённое чувство голода. И потому, чтобы уметь любить ближнего без вреда для него и для себя, нужно уметь любить Бога. Как сделать это последнее? Этому, как и всему другому в нашей жизни, нужно много учиться, и этого-то, главного (!) урока были лишены учащиеся советской школы.

Могут сказать: «А как же в дореволюционной России? Уж в ней-то отлично знали закон Божий и не могли не учить любви к Богу. Но что из той учёбы вышло? Братоубийственная война, миллионы погибших, беспощадное разорение деревни, превращение страны в тюрьму...»

Что тут отвечать? *По плодам их узнаете их* (Мф.7:16). Выходит, что и в дореволюционной школе не учили любви к Богу, а значит, правильной любви к ближнему, хотя имели в расписании уроков так называемый «закон Божий».

Серьёзное обвинение царской школе, не так ли? Да-с, нешуточное, и чтобы хоть отчасти убедиться в его справедливости и увериться в несоблюдении образованным российским обществом главной заповеди Закона Божьего: *возлюбихиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею*, мы обращаемся к литературе.

Революция в России вышла из литературы. Неужели это не очевидно? Революция в России вышла из её художественной литературы, которая, не умея любить Бога, вознамерилась возлюбить всё человечество.

Кого в российском обществе называли выразителями народных чаяний? Страдальцами за народное счастье? Властителями народных дум? Нет, не тех незатейливых дум, как хлебушек будем сеять, да как он взойдёт, да какой урожай подаст Бог, да как к зиме приготовиться, а тех великих дум, которыми российские писатели хотели облагодетельствовать всех жителей земли.

Двадцать лет прошло, как исчезло общество, построенное советскими людьми на основе взаимопонимания и дружбы народов. Двадцать лет мы живём без СССР и его могучей власти. И что же? Неужели до сих пор неочевидно, кто эту власть затевал и строил? Неужели крестьяне, составлявшие 85 % населения Российской империи, стали бы против самих себя воевать? Стали бы самих себя уничтожать? Раскулачивать? Переселять? Ссылать в лагеря и тюрьмы?

Напротив, крестьяне (а лучше сказать, христиане, поскольку имя Христос лежит в корне того и другого слова) как раз таки защищали себя от тех 15 % некрестьянского населения России, которое начитавшись сперва романов, потом прокламаций РСДРП, постановлений ВКП (б) и КПСС, занялось революционным переустройством России, и стало претворять в жизнь свою любовь к человечеству, как она понималась ими не по Евангелию, о котором им было или противно, или ненавистно слышать, но согласно учениям доморожденных и иностранных сочинителей.

Победителями тогда оказались они. Бог попустил стать победителями не крестьянам, но тем 15 % населения страны, которое жило за счёт крестьян. Для чего? Мне кажется, для того, чтобы дать понять последним, как был слаб в называющих себя христианами *Дух от Бога*, и как был силен в них *дух мира сего* (1Кор.2:12). Мне кажется, что только духовными причинами можно объяснить то, что большинство было побеждено меньшинством при почти шестикратном перевесе сил.

Впрочем, перейдём к делу. Направленность этой статьи теперь понятна читателю, и если он до сих не отбросил её как хулу, возводимую на великую святыню российского народа – художественную литературу, то только потому, что хотел бы услышать подтверждение слов о том, как СССР вышел из «Шинели» Гоголя.

Что ж, перейдём к подтверждениям. Для начала я бы советовал прочитать небольшую статью Дарьи Менделеевой «Несколько слов о «маленьком человеке» и «мёртвых душах», опубликованную на: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200403504>. Имея эту статью перед глазами, мне будет легче высказывать свои соображения, а читателю их воспринимать.

«Итак, все хорошо помнят помещённую почти в самом начале повести комическую сцену, предшествующую крестинам будущего титулярного советника. Перебирая, казалось бы, самые невероятные имена, какие только можно найти в православных святцах, автор пытается доказать читателю, что “наречение ребёнка случилось совершенно по необходимости” и “другого имени дать было никак невозможно”» (Д.М.).

Если кто из читателей всё же не помнит хорошо, а то и вовсе забыл эту сцену, то пусть он облегчённо вздохнёт – слава Богу, поскольку эта сцена есть затянувшееся глумление над именами святых людей. Журнал «Безбожник», издававшийся в Советском Союзе, охотно напечатал бы (а может, действительно, печатал) эту сцену на первых своих страницах.

Или я чего-то не понимаю? Или мне нужно доискиваться каких-то сокровенных смыслов в этой откровенной насмешке? С первых же строк своей повести автор начинает смеяться над святыми для меня вещами, а я должен не только поддерживать этот смех, но усердно думать, зачем это делает гениальный Гоголь? Что великое он хочет этим сказать?

Однажды, когда я ещё только воцерковлялся, меня спросили в храме: «Как ваше святое имя»? Я удивился, что моё имя назвали святым, а потом, поразмыслив, согласился, что собранные в православных святцах имена освящены, т.е. избраны из всех существующих на свете людских имён. Чем же они освящены? Исповеданием Иисуса Христа Сыном Божиим.

Названные в святцах люди, осветили себя и свои имена богоугодной жизнью. *Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк.10:20) – сказал Господь. Но вот является Гоголь, и уже не радость, но неудержимое веселье разливается по России, когда тот, листая святцы, находит в них неблагозвучные имена.

Действительно, имена Трифилий, Дула, Варахасий звучат непривычно. Ну и что? Давайте над ними смеяться? Мне кажется, что очень немногие имена, пришедшие с православием в языческую Русь, были понятны и приятны славянам, но, крестясь, они их принимали. И принимая, знали, что эти имена – особые. Даже если какое-то из них не нравилось или вызывало невольную улыбку, всё равно принимали это имя как крест, как послушание и несли его всю свою жизнь. И благодаря такому их отношению к святым именам, мы сейчас считаем русскими именами имена греческого и еврейского происхождения: Николай, Анна, Василий, Иван, Мария, Дмитрий...

Возьмём, к примеру, имя Соломония. Мне оно нравится. Но когда я произнёс его, перечисляя святых жён-мироносиц, в беседе со старшеклассниками, некоторые из них зафыркали, особенно девицы: фу, солома какая-то... И понять их можно: имя звучит непривычно. Зато когда оно было распространено, тогда звучало восхитительно, особенно в соседстве с такой фамилией: Соломония Сабурова.

Что уж говорить о смешливых девушках, если взрослые люди (один из них автор этой статьи за четыре года до рукоположения), читая в субботу сырную на монастырском клиросе канон всем преподобным отцам, в котором перечисляются редкостные и диковинные имена преподобных, не смогли удержаться от смеха и до такой степени распалились неуместным весельем, что отцу иеромонаху пришлось брать кропило и святой водой успокаивать чтецов. Потом он сказал: «Ну, братия, не смог бес над преподобными посмеяться, так через вас это сделал». Верно сказал. Не смог рогатый над святыми Трифилием, Дулой, Варахасием, Моккием, Соссием, Хоздазатом, Варадатом, Варухом, Трифилием, Павсикахием, Вахтисием посмеяться, так через Гоголя это сделал. Через гениальное перо Гоголя вся Россия потешалась над названными святыми и до сих пор потешается, читая повесть «Шинель».

Однако продолжим чтение статьи Менделеевой. «Никто не скажет теперь, зачем лукавому повествователю было напускать в эту сцену такое количество романтического тумана...».

Отчего же никто не скажет? Я скажу. Затем и понадобилось Гоголю, мягко говоря, нечестно, т.е. без всякой связи с истинными святцами, листать их, чтобы вызвать у читателя как можно больше

смеху. Ну, а мы рады посмеяться. Только, действительно, над кем смеёмся? Над своим христианством...

Давайте смеяться дальше. Выбрав имя Акакий по причине неблагозвучия, Гоголь присоединяет к нему такое же отчество, чтобы вдвойне смешнее было – Акакий Акакиевич.

«Нет, не так, - поправляют нас гоголеведы,- здесь не смех в квадрате, здесь незлобие в квадрате, поскольку имя Акакий в переводе с греческого означает «незлобие».

Хорошенькое, однако же, незлобие, срывающее с прохожих шубы и наводящее страх на весь Петербург. Впрочем, о посмертных похождениях «незловивого» Акакия Акакиевича мы ещё, даст Бог, поговорим, а пока мы говорим о его имени. Почему Гоголь так назвал своего персонажа?

Догадками делится Менделеева: «Называя своего героя в честь святого Акакия Мелитинского, Гоголь в то же время выстраивает рассказ о его жизни, ориентируясь на жизнеописание ещё одного святого с тем же именем — преподобного Акакия Синайского, содержащееся в знаменитом трактате Иоанна Лествичника».

Прежде чем обратиться к связи Акакия Башмачкина с Акакием Синайским, поговорим о его связи со святителем Акакием Мелитинским. Менделеева пишет: «В то же время хотя бы отчасти закономерно появление в тексте именно имени “Акакий” — согласно “случайно” допущенной здесь авторской оговорке, будущий титулярный советник появился на свет “в ночь на 23 марта”, тогда как на восьмой день после этой даты (по исключённому счёту) — 31 марта ст. ст. — Церковь празднует память святого исповедника Акакия Мелитинского. Таким образом, при всех странностях и несообразностях, сопровождавших это событие, имя героя гоголевской повести было выбрано в полном соответствии с православными традициями».

Странное дело, но я почему-то не нашёл в Православном церковном календаре имени святого Акакия Мелитинского в 31-й день марта. Его память празднуется Церковью 17 апреля и 5 сентября ст.ст., но не 31 марта. Что же выходит? Выходит, что другими святыми пользовалась Менделеева, пытаясь обосновывать наименование Акакием персонажа, который был рождён Гоголем «против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта».

Дорогой читатель, не удивляйтесь возникшей путанице со святыми. Дело в том, что мы открыли текст Гоголя, а чтобы читать его тексты «в полном соответствии с православными традициями», нужно, как только встречается там слово «ч...» (а встречается оно там довольно часто), перекреститься, и неопустительно молиться, иначе какая-нибудь нечисть заскочит в неограждённый молитвой ум и устроит там неразбериху, которая уже началась у нас вокруг даты почитания святителя Акакия.

О какой закономерности говорит Менделеева, опираясь на 31-е марта? Крестить младенцев в нашу благочестивую старину было принято в 8-й день после рождения, потому что по закону Моисееву в этот день совершалось обрезание. И вопрос с выбором имени в те времена не стоял: память какого святого праздновалась в этот день церковью, именем того святого и называли младенца. А как же желание родителей? Их особо не спрашивали. И родители не возмущались? Нисколько, потому что знали: за послушание и благодать.

А вы что думаете, читатель? Что благодать сама по себе с неба льётся? Нет, она даётся за послушание. Обратимся к 4-е Слово «Лествицы», которое называется «О послушании»:

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву — стеною, непорочные слёзы — умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа.

20. /.../ Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда. Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым навек всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

123. Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него, ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе».

Из этих слов Лествицы можно понять, какой благодати сподобляются верующие за труд послушания. Из этих слов Лествицы можно также понять, как хранимым в древности порядком наречения имён по святым наши благочестивые предки уже от купели воспринимали сугубую

благодать – Крещения и послушания. Ибо что значит быть названным христианским именем по послушанию, как не исповедовать Христа Богом? И что значит нести имя за послушание, как не снизойти в бездну смиренномудрия, «которым навек всякая брань отражается»? Из этих слов Лестницы можно также понять и то, что благодати за послушание Церкви лишены все те, кто назван по желанию родителей или по ещё каким-либо причинам, но не по церковным святым.

Менделеева говорит о каком-то «исключённом счёте». Что это такое, я не знаю, и предполагать, что означает этот счёт, не хочу. Как не хочу предполагать и то, что кощунственно листающий святы писатель вдруг восхотел назвать своего новорождённого персонажа «в полном соответствии с православными традициями». В полном соответствии с этими традициями Гоголя полагалось бы высечь за кощунство, и не столько ради удовлетворения оскорблённых чувств верующих, которые знают, что *Бог поругаем не бывает: что посеет человек, то и пожнет* (Гал.6:7), сколько для его же собственной пользы.

Что вы говорите, читатель? Что российский народ не дал бы выпороть своего гения? Что он бы шумел и возмущался, как недавно он шумел в защиту своих танцовщиц на солее Храма Христа Спасителя? Ну и пусть бы российский народ шумел, а русский народ с одобрением бы отнёсся к такому душеспасительному делу, как публичная порка за публичную хулу на народные святыни.

Если всё же строить догадки о причинах упоминаемых Гоголем дат, то копать так глубоко, как это делает Дарья Менделеева, мне кажется, не стоит, поскольку эти причины лежат на поверхности. Число 23 марта ст.ст. вам ни о чём не говорит, читатель? Всё верно, 25 марта по юлианскому календарю православная Церковь празднует Благовещение. Но написать, что Акакий Акакиевич родился против ночи на 25 марта, Гоголь не рискнул. Это всё равно что в приснопамятные сталинские времена написать в фельетоне, что его главный герой родился в ночь на 7-ое ноября... Нет, это страшно. А вот написать: в ночь на 5-ое ноября – не так страшно: можно легко отговориться, если вдруг спросят, зачем указана эта дата. Поэтому добавим упоминание о слабой памяти и напишем: «Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта». Это уже не страшно, но нервишки щекочет, впрочем, приятно щекочет, ну, а кто захочет догадаться, зачем написана эта дата, тот всегда догадается.

III

Прежде ответа на вопрос, кто и о чём должен догадаться, смотря на указанную Гоголем дату рождения Акакия Башмачкина, сделаем небольшое отступление в философию, в главный её вопрос, который звучит так: что первично – бытие или сознание? Сознание ли определяет бытие или бытие сознание?

Зачем нам это нужно? Дело в том, что от решения этого вопроса зависит ответ на другой вопрос: что над чем главенствует? Жизнь над литературой или литература над жизнью?

Наученные советской школой думать материалистически считают, что бытие определяет сознание, и что литература это отражение жизни. «Толстой – зеркало русской революции». Такое определение великому теоретику разрушения дал великий практик разрушения.

Однако, если смотреть на жизнь церковными глазами и учиться думать идеалистически, то нужно сказать, что сознание определяет бытие, и что творчество Толстого это не зеркало, но причина революции.

Где бы вы думали, читатель, прозвучала первая марксистская речь? В раю. В том святом месте, где всё есть, где не нужно ничего строить для счастливой жизни человека, поскольку всё лучшее, что он может иметь, он получил от Бога, вот там-то и обвинило творение своего Творца. *Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт.3:12). Жена, а вместе с ней и Ты, Давший её мне, во всём виноваты, а я здесь не причём.

«О немощь моя! – восклицал Григорий Богослов, вспоминая это событие человеческой истории, – ибо немощь прародителя есть и моя собственная. (Стало быть, и наша немощь тоже. – Г.С.). Человек забыл данную ему заповедь и побеждён горьким вкушением: тогда через грех делается он изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога; облачается в кожаные ризы (может быть, в грубейшую, смертную и противоборствующую плоть), в первый раз познаёт

собственный стыд и укрывается от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом самое наказание делается человеколюбивым. Ибо так, в чём я уверен, наказывает Бог». (Святитель Григорий Богослов. Слово 38, на Богоявление, или на Рождество Спасителя).

Думать, что бытие определяет сознание – не просто глупо, но богохульно. Думать так, это значит обвинять Бога в испытаниях, которые Он посылает человеку для спасения в вечности. Это значит ругать Подателя жизни за жизнь, если она вдруг по каким-то причинам перестаёт нравиться твари. Что же заслуживает тварь за материалистические мысли? Если первой революционной речью были вышеприведённые слова Адама, то первой революцией в истории человечества было изгнание прародителей из рая.

Всякая революция есть духовное отпадение людей от Бога, но говорить, что люди сами её совершают – много чести для них. Конечно, они готовят её своими греховными мыслями, словами, делами, но когда совершится отпадение – решает Бог. Только после Его слов: уйди с Моих глаз – совершается революция. *И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни* (Быт.3:24).

Как, читатель? Разобрались немного с бытием и сознанием? Уяснили, что ставить бытие на первое место, а сознание на второе, подчиняя его бытию – не просто верх глупости, но верх нечестия и неблагодарности Богу? Апостол Павел блестяще разрешает этот вопрос, когда говорит: *Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. /.../ Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же - от Бога* (1Кор.11:8-12).

Предлагаю заменить в стихах Апостола слово «муж» словом «сознание», а слово «жена» словом «бытие», и прочесть их заново. Итак, ибо не сознание от бытия, но бытие от сознания; и не сознание создано для бытия, но бытие для сознания. /.../ Впрочем ни сознание без бытия, ни бытие без сознания, в Господе. Ибо как бытие от сознания, так и сознание через бытие; все же – от Бога. Отлично сказал Апостол и всё расставил по своим местам.

Где в цитате стоит пробел, там опущено предложение, говорящее о «знаке власти» на женской голове. *Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов* (1Кор.11:10). Рекомендую всем боголюбивым читателям со вниманием прочесть толкование святителя Иоанна Златоуста на этот стих.

Вернёмся к литературе. Отражает ли она жизнь? Очень сомневаюсь, что российская литература, равно как и российское телевидение, отражает жизнь. Отражить жизнь они не могут уже потому, что жизнь – необъятна. Что же тогда отражает литература? Какую-то крохотную часть, которую выхватило сознание писателя из неохватного многообразия жизни. Поэтому лучше сказать, что литература отражает не мир, но сознание писателя. Вернее, материальный мир для того только и нужен писателю, чтобы с его помощью выразить духовный мир, который он носит в своей душе.

Бог – Поэт, и писатель – поэт. И как мир есть отражение Сознания Поэта, так литература есть отражение сознания поэта, а жизнь в произведениях последнего присутствует лишь постольку, поскольку без неё, как без рук, поэт остаётся без средств выражения своего духовного мира. Поэтому литература не отражает, но направляет жизнь, можно даже сказать, что она даёт жизнь жизни, предлагая ей духовную пищу и питье.

Скажется ли на временной и вечной жизни человека его литературный выбор? Самым решительным образом. Если некто будет каждый день читать произведения Гоголя, что с ним будет? Я думаю, что разделяющий с Гоголем его духовный мир через его прозу, окажется после смерти в духовном мире писателя Гоголя. А ежедневно разделяющий с пророком Давидом его духовный мир через Псалтирь окажется в духовном мире пророка Давида.

Решая вопрос о соотношении сознания и бытия идеалистически, мы, чтобы быть последовательными, должны взаимосвязь литературы и жизни рассматривать в том же ключе, а именно: литература прежде, а жизнь за ней. Верующие люди не могут не быть идеалистами, поскольку ставят земные дела в зависимость от молитвы, т.е. полагают, что слово начальствует над жизнью. Выражение же «верующий материалист» можно назвать по-гречески оксюморонам, буквально остро-тупой.

Как молитва есть слово к Богу, так литература есть слово в духовный мир. К какому же духовному миру обращено предложение: «Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта»? Если хотите, поставим вопрос в привычном для нас виде: из какого духовного мира пришло Гоголю (или взято Гоголем) это предложение? Хотите, назовём этот мир идейным, поскольку материалисты не признают духов. Итак, из какого идейного мира взято Гоголем это предложение?

Напоминает ли оно православным о Благовещении? Напоминает. Можно ли поэтому сказать, что рождение А.А. это своего рода благовещение? Можно. Что же выходит? Выходит, что с православной точки зрения духовный мир писателя Гоголя – пародийный, если он ставит рядом с вестью о грядущем в мир Спасителе весть о рождении Акакия Акакиевича.

Вас не устраивает моя трактовка, читатель? Вы, наверное, хотите сказать, что Гоголь вовсе не это имел в виду, когда писал своё предложение, и что он вообще ничего не имел в виду, просто так, от потолка поставил эту дату в своём тексте? Ну, тогда признайте, что у вашего гения сквозняк в голове. Тогда непонятно, зачем вы ему внимаете? Или скажите, что Гоголь не знает, что пишет, или будьте уверены, что каждое его слово десятки раз обдуманно, выверено, *очищено седмерицею* (Пс.11:7). Но в таком случае вы не можете не согласиться со мной: духовный мир Гоголя – пародийный.

Другой вопрос возникает. Почему нельзя было автору этой статьи сразу сказать, что Гоголь – пародист? Такой оценки творчества Гоголя никто бы и оспаривать не стал, разве только уточнили бы, что смех у Гоголя особый – сквозь невидимые миру слёзы. Это не смех мелких пародистов Райкина или Жванецкого, это смех великого Гоголя. Итак, зачем нужно было выше о бытии и сознании говорить, если и без того понятно, что Гоголь – пародист?

Дело здесь вот в чём. Если рассуждать материалистически (литература отражает жизнь), то можно сказать, что писатель Гоголь отразил увиденное и услышанное в ней. Но если рассуждать идеалистически (литература направляет жизнь), то нужно признать, что через «Шинель» Гоголя пародийный дух был впущен в ту часть российского общества, которая с увлечением прочитала повесть.

Вот и подошли мы, читатель, к ответу на вопрос, кому и о чём был дан знак предложением «Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта». Это предложение стало отмашкой для всех артистов пародийного жанра: шире и смелей начинайте свою самостоятельность.

IV

Слово «пародия» в буквальном переводе с греческого означает «песня наоборот». Первым и главным пародистом в мире является диавол. Будучи создан Богом самым светлым и приближённым к Нему духом, он возжелал занять место Бога. Это желание само по себе было пародией, происшедшее же из этого желания падение стало пропетой вслух всей твари песней наоборот, т.е. песней не Богу (*Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!* (Ис.6:3)), но самому себе. Песня, полёт, счастье, всё – наоборот.

В каком смысле полёт диавола стал обратным? Он полетел вниз, словно вверх, в бездну, словно высь. А в каком смысле счастье его стало обратным? Слово «счастье» происходит от слова «со-частие», то есть совместная с кем-либо часть называется счастьем. Дьявольское же счастье стало единоличным, ни с кем не разделяемым без-частьем.

Зачем нужны эти замечания при чтении повести «Шинель»? Затем, что мы настолько приучены советской школой к мысли о незлобии А.А., что открыто сказать, что оно было дьявольским, значило бы решительно перевернуть все наши представления об этом персонаже. Поэтому скажем для начала, что незлобие А.А. было пародийным.

В каком же смысле незлобие Акакия Акакиевича было незлобием наоборот? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно опять читать Гоголя, а мне этого не хочется делать. Мне не хочется открывать тексты Гоголя, потому что, читая их, я начинаю чтить кого угодно, только не Бога и не Его святых угодников. А кого же?

Вы не задумывались, читатель, почему церковь, величая святого, поёт: «чтим (в некоторых богослужебных книгах можно встретить вариант: чтём) святую память твою...»? Зачем нас призывают чтить память святого, а не его самого? Зачем чтить память, когда нужно чтить непосредственно человека? Объясняется всё просто. Чтить память святого значит, буквально, читать его память, т.е. читать составленную в его честь службу и житие.

Но кого мы чтим, когда читаем художественную литературу? Чью память почитаем, открывая «Шинель»? Мы чтим выдуманного Акакия Акакиевича, которого никогда и нигде не существовало кроме как в голове писателя Гоголя. Скажите, зачем это нужно разумным людям? Зачем нужно читать пустые фантазии христианам, которые могут открыть Житие не выдуманного, но живого преподобного Акакия (день памяти 29.11/12.12), и, читая его, попросить святого помолиться Богу о чтущих, т.е. буквально читающих его память?

Кого мы чтим, читая повесть «Шинель»? Великого художника слова? Образы, призраки, звуки? Да, конечно, и Гоголя, и его фантомы тоже, но более всех нами почитается дух, который внушил Гоголю (буквально: вн-ушил, вложил в уши) эти фантазии. Этот лукавый дух, «помрачение помыслов и мятеж мысли наводяй», как о нём говорится в молитве на освящении воды, называет зло добром, смешивает свет и тьму, наряжает порок в праведность, сбивает со здравого смысла и путает всё в головах чтущих его. Впрочем, если надо приступать к тексту Гоголя, значит, перекрестясь, приступим.

Незлобие призрачного Акакия на самом деле не является таковым, если поставить его рядом с незлобием преподобного Акакия. Хотя их внешнее положение одинаково, они молча терпят обиды и унижения, один от старца, другой от всех, но внутреннее их устройство – различно.

Душевное состояние призрака Акакия нам открывает его ответ, который он давал своим обидчикам. «...когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» В этом ответе уже слышится упрёк. Разве незлобие так отвечает? Это не беззлобие, это бессилие дать сдачи.

Могли бы мы услышать такие слова от преподобного Акакия? «Оставь меня, старче, зачем ты меня обижаешь?» Нет, преподобный этого сказать не мог, потому что знал, ради чего он терпел не только толкания под руку и посыпания на голову бумажек, но «иногда синее пятно под глазом, иногда уязвленную шею или голову». Святой знал, что терпит всё ради «пользы», о которой ему говорил Иоанн Савваит: «Хорошо, хорошо, потерпи и получишь пользу», и о которой сказал Господь: *мзда ваша многа на Небесех* (Мф.11:12).

Вообще говоря, преподобный послушник для того только и пребывал со старцем, чтобы этой мзды сподобиться. Если бы он сказал старцу: оставь меня, или же сам его оставил, то лишился бы всякой пользы. Поэтому слова призрачного Акакия непредставимы в устах преподобного Акакия.

А ради чего терпит Незлобий Незлобиевич? Его слова «оставьте меня» приводят мне на память рассказ из «Душеполезных поучений» аввы Дорофея. Авва пишет: «В общежитии, прежде моего удаления оттуда, был один брат, которого я никогда не видал смутившимся или скорбящим, или разгневанным на кого-либо, тогда как я замечал, что многие из братии часто досаждали ему и оскорбляли его. А этот юноша так переносил оскорбления от каждого из них, как будто никто вовсе не смущал его. Я же всегда удивлялся чрезвычайному незлобию его и желал узнать, как он приобрёл сию добродетель. Однажды отвёл я его в сторону и, поклонившись ему, просил его сказать мне, какой помысл он всегда имеет в сердце своём, что, подвергаясь оскорблениям или перенося от кого-либо обиду, он показывает такое долготерпение. Он отвечал мне презрительно без всякого смущения: «Мне ли обращать внимание на их недостатки, или принимать от них обиды как от людей? Это лающие псы». Услышав это, я преклонил голову и сказал себе: нашёл путь брат сей, и, перекрестясь, удалился от него, моля Бога, чтобы Он покрыл меня и его». (Почтение седьмое. О том, чтобы укорять себя, а не ближнего).

Этот рассказ аввы Дорофея научает нас смотреть не на внешнюю сторону дел, какими бы добрыми они ни были, но различать носимый в сердце помысл при совершении этих дел. О помыслах куклы с именем Акакий Акакиевич что мы можем знать? Только то, что нашёл нужным сказать кукольник. Поэтому, простите меня, читатель, если я, прилагая пример «незлобия» из Поучений аввы Дорофея к Акакию Акакиевичу, подумал (да и вас заставил думать) о Башмачкине то,

чего за ним, быть может, никогда не водилось – глубочайшее презрение к людям. Даже в отношении к кукле не хочется быть повинным в навете...

Однако, ставя рядом Акакия Башмачкина и Акакия Синайского, что мы видим? У меня лично по прочтении Жития, если и возникло чувство жалости к преподобному, то самое краткое. Гораздо более, чем жалеть святого, хочется восхищаться им. Хочется самому начать столь же терпеливо сносить обиды и никого не осуждать. А какой отклик в душе вызывает незлобие сочинённого Акакия? Хочется пожалеть бедного чиновника, но подражать ему – ни за что. Так ведь, читатель? Или я опять что-то лишнее говорю? Скажите, какое чувство возникает у вас по прочтении повести «Шинель»? Чувство жалости и возмущения за творимую над Акакием Акакиевичем несправедливость, не так ли? А подражать ему в незлобии вам захотелось? Мне лично нет. Так чему нас учит эта повесть?

Кстати, о возмущении. Вызывает ли Житие Акакия Синайского это чувство? Нет, потому что ему не откуда взяться. Потому что мы знаем, что преподобный Акакий спасался через обиды и побои. Можно ли негодовать на обидчика, если послушник спасён через него? Не было бы унижения, не было бы и спасения. Возмущаться в Житии нечем. Более того, другой Синайский святой, преподобный Аввакум даже благодарил монастырских отцов, причинявших ему обиды, когда был при смерти. «Благодарю, благодарю Господа и вас, ибо за то, что вы меня на спасение моё искушали, я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских».

Читайте, христиане, читайте Жития святых. Не портите своего нравственного вкуса литературными фантазиями. Испокон веков душевно питались наши предки, русские люди, Четьями-Минеями, а не сомнительными художественными сочинениями.

«Послушаем ещё и подивимся премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах», - так начинает Житие преподобного Аввакума Иоанн Лествичник. «Для душевного назидания спросил я одного из братьев, уже пятнадцать лет жившего в этой обители, по имени Аввакум, которого, как я видел, почти все обижали, а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы, потому что сей брат от природы был несколько невоздержан на язык. «Брат Аввакум, - сказал я ему, - за что тебя всякий день выгоняют из трапезы, и я часто вижу, что идёшь спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? И как они делают сие не вправду, то и я, зная намерение их и великого отца (настоятеля монастыря. – Г.С.), терплю всё без отягощения и вот уже пятнадцать лет живу, имея сию мысль, как и сами они при вступлении моем в обитель говорили, что до тридцати лет искушают отрицающихся от мира. И справедливо, отче Иоанне, ибо неискушенное золото не бывает чисто» (Слово 4, 29-30).

Ни одного ропотного слова, ни намёка на укоризну, ни капли возмущения! И я так думаю, что эта невоздержанность на язык, о которой говорится как о причине гонений на Аввакума, была им самим устроена. И мысль о том, что он нарочно искушал отцов своим языком, чтобы те в ответ искушали его уже делом, чтобы не быть ему искушаемым от бесов, подтверждают слова Аввакума при кончине.

Ну, а выдуманый Акакий что бы нам сказал, если бы мы спросили его: «за что к вам в департаменте нехорошо относятся?» Причём, обратите внимание, с какой мыслью подходит Иоанн Лествичник к Аввакуму. Не из любопытства, но «для душевного назидания спросил я одного из братьев...» С этой только целью – душевного назидания – не предосудительно нам знать что-либо о других людях. Все другие цели – пусты и греховны. Что же нам для душевного назидания говорит Акакий Башмачкин? «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете» – вот и всё, что отвечает Н.В. Гоголь за своего персонажа на этот вопрос. Хотя нет, не всё. «И в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой».

V

Башмачкин мой брат? Вот это новость! С какой же стати? Во-первых, удивительно, каким слухом нужно обладать, чтобы в словах «оставьте меня» расслышать слова «я брат твой»? Видимо, самым восприимчивым слухом. Подобная подмена смыслов, когда говорят одно, а слышать велят другое, напоминает мне фокус с зайцем, когда вместо ушей посаженного в шляпу зайца фокусник

вытягивает две бесконечно длинных ленты. А, во-вторых, я просто возмущён навязыванием мне братства с кем бы то ни было.

Призрак Акакий мне брат? Брат по призрачности? Брат во Христе? Или как-то иначе нужно понимать это братство? Причём, даже если бы настоящий, невыдуманный чиновник Башмачкин, буде он существовал когда-либо, был бы описан Гоголем и представлен мне как брат, я бы опешил от наглости.

Вот мудрого Аввакира и стойкого Акакия, девять лет прожившего у немилостивого старца и каждодневно терпевшего от него мучения, я бы почёл за честь назвать братьями по вере, поскольку назвать их братьями по духу с моей стороны было бы слишком дерзновенно, но, неизвестно, захотят ли преподобные иметь такого родственничка. А картонный Акакий каким боком и по какому свойству мне брат? Нет, что-то спутал Николай Васильевич, что-то очень важное перескочил, когда писал это предложение, спеша навязать мне в братья своего персонажа.

Я, конечно, понимаю, что хотел сказать Гоголь, и в советской школе меня этому учили, что Гоголь, создавая образ Акакия Акакиевича, хотел донести до читателя мысль, что не должно пренебрегать, а тем более обижать никого из людей, какого бы звания и состояния они ни были. Но, спрашивается, зачем мне читать образы и мысли Гоголя, если я не от него, а от своей бабки с детских сопливых лет знаю, что нельзя обижать не только людей, но и всякую тварь, от комара до дерева. И не потому, что комар или берёза мне брат или сестра, а просто потому, что они – Божии.

Не обижайте никого, жалейте всех – как бы говорит Н.В. Гоголь своим персонажем. Это понятно, непонятно другое. Зачем надо было выдумывать Башмачкина, если и без него закон Божий известен всем? Зачем надо было писать повесть, когда есть Евангелие, церковь, святые отцы? Или они плохо разъясняют, как надо жить по заповедям Божиим? Или они не так доходчиво это делают в сравнении с Гоголем? Или в художественном виде закон Божий воспринимать легче? Нет, читатель. Пора оттрясать душевную слепоту. Затем надо было Гоголю сочинять «Шинель», что причина, которой он обосновывает заповедь «не обидь», оказывается не Евангельской. А какой?

Возьмём, к примеру, лозунг: «Свобода, равенство, братство». Все слова этого лозунга Христовы, но самого Христа в них нет. Так и в своей повести Гоголь призывает любить Башмачкина, но не ради Бога, а ради того, что он – брат. Повеление любить – Евангельское, но выполнять его Гоголь велит, исходя не из Евангелия, а из человеческого соображения: «я брат твой». Это и есть заповедь наоборот, или пародия на заповедь.

И поскольку речь зашла о Евангелии, обратимся к нему, к слову Божию. В Евангелии мы находим пример унижения гораздо более трогающий душу, чем история Башмачкина. Это притча о богаче и Лазаре. Это даже не притча, поскольку в Евангелии она не названа таковой, это рассказ Господа, который начинается словами: *Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно* (Лк.16:19).

Бедного Башмачкина толкали? Над ним смеялись? С него сорвали шинель и не позаботились о том, чтобы вернуть? Да что вы говорите? Какая жалость. А вот послушаете, что было с нищим Лазарем. *Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его* (Лк.16:20,21). Степень унижения Лазаря самая крайняя. Нищета Лазаря столь ужасна, что Башмачкин в сравнении с ним может быть назван баловнем судьбы. Но не это главное.

Почему христиане должны жалеть Лазаря и соревноваться в милости к нему? Потому что он брат? Нет, Евангелие не говорит: потому что он ваш брат, вы должны заботиться о нём. Хотя каждый верующий желал бы сподобиться счастья, которое Господь определил Лазарю – быть на лоне Авраамовом, т.е. желал бы разделить с ним это лоно, что, по сути, значит стать братом Лазаря. Но причину милости к нему Евангелие называет другую, а именно: позаботься богач о Лазаре при жизни, и его посмертная участь была бы иной.

Авраам сказал богачу: *чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк.16:25). Кстати, обращаясь к богачу «чадо», Авраам даёт понять, что и он, и Лазарь – его духовные сыновья, стало быть, братья между собой. Но богач заботится не о духовных братьях, а о братьях по плоти.

Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Обратите внимание, как этот богач витиевато выражается, почти как Гоголь. Разве трудно было сказать: пусть Лазарь скажет братьям, чтобы они не поступали с нищими, как я поступил с ним? Зачем такие пространные обороты? ... *пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения...* Язык богача не повернулся признать свою вину, вернее сказать, его язык вывернулся, и вместо покаяния мы слышим какую-то витиеватую речь. Что же Авраам, *который есть отец всем нам* (Рим.4:16), отвечает богачу?

Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят. Вот это ответ! Настоящий отцовский ответ. Если не слушают Евангелие (а что значит слушать Евангелие? это значит жить так, как оно велит), то никакому чуду не поверят, даже воскресению мертвеца. Ну, а если воскресению не поверят, то тем более не поверят писаниям Гоголя о том, что нужно заботиться о бедных. Так зачем Гоголь писал свои сочинения? Это мы от Евангелия к своей теме возвращаемся. Скажите, читатель, зачем нам читать, а писателю что-либо писать, если не для укрепления в вере? А для укрепления в вере что может быть полезнее этих немногих стихов 16-ой главы Евангелия от Луки? Но, увы, даже эти стихи не доходят, уворачивается от них слух, как увернулся язык у богача, когда нужно было признать свою вину пред Лазарем.

Подведём некоторый итог. Как в сравнении с Евангелием, так и в приводимых выше сравнениях Житий и повести «Шинель» мы видим, что в последней указываются иные нравственные ориентиры. С внешней, повествовательной стороны повесть «Шинель» побуждает читателя поступать по-Евангельски, но при внимательном чтении текста открывается, что мотивы этих с виду благочестивых поступков, предлагаются не Евангельские, но земные, душевные, бесов... Чуть было не написал слово «бесовские» по живущему в памяти выражению из послания Апостола Иакова: *Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская* (Иак.3:15).

Короче говоря, в повести Н.В. Гоголя «Шинель» нравственное ударение смещено относительно Жития преподобного Акакия из области небесной в область земную, из духовной – в душевную. Ради чего терпит беды преподобный Акакий Синайский? Ради вечного спасения. Ради чего терпит гораздо меньшие беды чиновник Акакий Башмачкин? Ради того, чтобы вызвать в душе читателя жалость и возмущение.

VI

Выше мы говорили, что Жития святых Акакия и Аввакума не дают возникнуть в душе читающих «праведному» гневу на их обидчиков и гонителей. А вот в повести всё иначе. «Шинель» как будто подталкивает вступить за обижаемого Башмачкина. Особенно эта история с совестливым молодым человеком, который, «по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный...» Эта история для того только, кажется, и приведена автором, чтобы вызвать в душе читателя возмущение. Перечитаем её.

«Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя,

как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...»

Как много букв и слов. Зачем они собраны Гоголем? Наверное, затем, чтобы пробудить в читателе совесть, как пробудилась она в описанном молодом человеке? И верно, совесть пробуждается, но какая совесть? Лучше спросить, чья это совесть, поскольку слово «совесть» происходит от слова весть? Как вести бывают разные, есть вести от Бога, а есть вести от лукавого, так и совести бывают разные.

Рассмотрим, как и куда движется мысль автора. Сперва даётся описание издевательств над Башмачкиным, затем молодой человек останавливается, «как будто пронзенный», затем отделяется от товарищей какой-то неестественной силой, затем долгое время «среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу», и «много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много...» Здесь мы остановимся, чтобы не перепечатывать вторично слов осуждения.

Или никакого осуждения в этом абзаце нет? Или я опять наговариваю, но уже не на героя, а на автора повести? Давайте смотреть. Поскольку Гоголь не написал ясно, где именно молодой человек видел много «бесчеловечья и свирепой грубости», то попробуем оправдать писателя. Попробуем предположить, что много всего этого молодой человек видел в себе и только в себе, и никого кроме себя не осуждал. Предположить это можно, но согласиться с этим трудно, поскольку содержание абзаца говорит об обратном: писатель переносит вину на окружение молодого человека. Даже Бога призывает в свидетели своего суда над ближним. Несчастный, не понимает, что говорит. Или, наоборот, хорошо понимает, для того и призывает Бога во свидетели...

Я не ясно выразился? Давайте прояснять. Если эти слова сказаны автором, то посочувствуем его духовному невежеству, поскольку далеко не так, как пишет Гоголь, учит нас Евангелие и святые отцы воспринимать дурные поступки ближнего. А если эти слова нашептаны Гоголю лукавым духом, то ужаснёмся коварству последнего, призывающего Бога во свидетели, чтобы потом клеветать на каждого, кто разделит это осуждение. Ну, а если никакого призывания не было, то за нарушение 4-ой заповеди Закона Божьего: *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно* (Исх.20:7), не избежать ответа рабу Божьему Николаю.

Итак, молодой человек если не прямо, то косвенно осуждает окружающих его людей, причём, делает это неоднократно, о чём автор замечает, что: «много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...».

Чьи мысли мы сейчас читаем, боголюбивый читатель? Не революционера ли? Не напоминают ли они нам мысли тех людей, которые видели причину несовершенства мира не в самих себе, но в других людях, даже в тех, которых свет признаёт благородными и честными? Остаётся только подложить огоньку, вернее «Искру» (так называлась газета террористов) в эти мысли, чтобы последующие из них дела вспыхнули мировым пожаром.

Вы скажете, читатель, что теперь уже мы осуждаем молодого человека и революционеров. Тогда они, а теперь мы обвиняем их, и никогда нам, революционерам и священникам, не вырваться из порочного круга взаимных обвинений, пока одни из нас не уничтожат других окончательно. Вендетта.

На ваше замечание хочу сказать, что я не для того обращаюсь к повести «Шинель», чтобы найти виноватых и пригвоздить их к доске позора. Для учеников Христовых вопрос «кто виноват» давно решён святыми отцами. Как святитель Григорий Богослов не для того разбирает грех Адама, чтобы осудить его, потому и восклицает: «О немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная», так и я не для того разбираю писания Гоголя, чтобы осудить его, потому восклицаю: «О немощь моя! ибо немощь Гоголя есть и моя собственная». Не для суда над личностями я обращаюсь к литературе, но для того, чтобы извлечь из неё нравственный урок.

А на вопрос «кто виноват» святые отцы дают ответ, прежде приведения которого, я с возмущением замечу, что этот вопрос лживо называют русским заодно с вопросом «что делать». Это

не русские, это российские вопросы. Русские люди никогда не задавались подобными вопросами, потому что искони знали на них ответ.

Итак, как в отличие от Гоголя, святые отцы учат христиан реагировать на грехи «бесчеловечья и свирепой грубости»? Читаем авву Дорофея: «Поистине, если человек совершит и тьмы добродетелей, но не будет держаться сего пути [самоукорения], то он никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, теряя чрез то все труды свои. Напротив, какую радость, какое спокойствие имеет тот, кто укоряет самого себя! Куда бы ни пошёл укоряющий себя, как сказал авва Пимен, какой бы ни приключился ему вред или бесчестие или иная какая-либо скорбь, он уже предварительно считает себя достойным всякой скорби и никогда не смущается. Есть ли что беспечальнее такого состояния?»

Переживания совестливого молодого человека имеют ли что общего со словами аввы Пимена? Молодой человек, хотя и был совестливым, хотя и закрывал себя рукою и много раз содрогался на своём веку, но остался без Небесной мзды, потому что «поистине, если человек совершит и тьмы добродетелей, но не будет держаться пути самоукорения, то он никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, теряя чрез то все труды свои».

А к дальнейшим словам аввы Дорофея неплохо было бы прислушаться и призрачному Акакию Акакиевичу. «Но если кто-нибудь скажет: если брат оскорбляет меня, и я, испытав себя, найду, что я не подал ему никакого повода к сему, то как могу укорить себя? Поистине, если кто-либо испытает себя со страхом Божиим, то найдёт, что он всячески сам подал повод или делом, или словом, или видом. Если же он видит, как говорит, что он в настоящее время не подал ему вовсе никакого повода, то верно он когда-нибудь в другое время оскорбил его, или в этом, или в другом деле, или, вероятно, опечалил другого брата и должен был пострадать за сие, или часто и за иной какой-либо грех. Потому если кто, как я сказал, со страхом Божиим рассмотрит самого себя и строго испытает свою совесть, то он непременно найдёт себя виновным». (Поучение седьмое. О том, чтобы укорять себя, а не ближнего).

Спросим читателя: эти мысли святых отцов вложил ли Гоголь, хотя бы намёком, в головы выдуманных им персонажей? Вы скажете: а зачем Гоголю это надо: он – художник, а не моралист.

Гоголь не моралист? По-моему, он один из главных моралистов российской литературы. Не будем называть другого великого моралиста из числа писателей, чтобы во второй раз не осквернять страниц этой статьи его именем. Если же говорить о творчестве в общем, то нельзя не признать, что, чем выше писательский талант, тем сильнее его воздействие на ум и душу читателя. Всякий писатель прежде всего учитель, а потом уже художник. Литература не отражает жизнь, она её направляет. Мы об этом говорили выше.

Другой вопрос возникает. На каком основании мы требуем от персонажей Гоголя Евангельского подобия? Гоголь – поэт, а для поэта, как для сердца девы, нет закона. По какому праву мы загоняем вдохновение в святоотеческую ограду? Не запрещает ли нам пословица входить в поэтическую вольницу со святоотеческим уставом? У литературы свой мир, у отцов – свой. И требовать, чтобы литература подчинилась учению отцов также невозможно, как от отцов требовать подчинения литературе. Поэтому вы, читатель, сами решайте, кого избрать учителями: святых отцов или художников слова? А в том, что их наставления разнятся между собой и разнятся решительно, мы убеждаемся, читая повесть «Шинель».

Но, может быть, вы хотите сказать, что Гоголь укорял себя как человек более всех своих персонажей? Может быть. Только мы старательно подчёркиваем, что это не наше дело. В наших литературоведческих изысканиях мы личной жизни писателей не касаемся, мы рассматриваем только тексты.

Гоголь, может, гораздо более меня, грешного священника, винил и сокрушал себя перед Богом, и Бог ему в том свидетель, но вот повесть... Что мы видим в ней? Мы видим, как камушек, брошенный в должностное лицо в начале повести, вырастает в булыжник пролетариата в конце её.

Опять читаем повесть Гоголя, самое начало. «В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всеу. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем *одним департаментом*».

Ха-ха, мы опять потешаемся. Но давайте задумаемся, что хочет сказать автор этим абзацем? Что просьба капитана-исправника смешна? Что его тревога о гибнущих государственных устоях напрасна? Что нет нужды заботиться о том, что стали появляться на свет сочинения, которые в прежние времена были немыслимы? Что это неправда, что через унижение должностного лица унижаются государственные постановления? Но ведь всё это – правда.

Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня (Лук.10:16). Если так обстоят дела духовные, то тем более так обстоят дела земные, а именно, почитающий капитана-исправника как представителя и выразителя государственных интересов почитает в его лице всё государство. А уничижающий капитана унижает всё общество, которое поставило сего капитана блюсти порядок и покой этого общества.

В романах Достоевского живёт штабс-капитан, который, когда в трактире зашёл разговор о Боге и о том, что Его нет, сказал: «Если Бога нет, то какой же я капитан?» И сказав сие, вышел. Как прав капитан Достоевского, так прав капитан Гоголя. Зачем же над ним смеяться? Зачем подвергать сомнению эту очевидную мысль, что если слышны смешки вокруг государевых служителей, то недалеко смешки и над ним самим. Нет, я не так выразился. Смешки не недалеко, они уже здесь, потому что в смехе над капитаном сокрыт смех над государем и, следовательно, над самим Богом, потому что Им государь поставлен.

Зайдём с другой стороны. Значит, Акакия Акакиевича унижать нельзя, а капитана-исправника можно? Акакий – брат, а капитан – не брат? Где же логика? Если смеяться, то давайте смеяться над всеми: над Акакием, над капитаном, над генералом, над Гоголем, над Евангелием... А то одних осмеиваем, а других жалеем. Это уже лицемерие, или, как нынче говорят, политика двойных стандартов.

Или потому, что капитан государственное лицо, а Акакий – частное, то последний должен быть защищён от первого? Вернее сказать, поскольку частное лицо не нашло защиты у власти, то власть надо осудить, а Башмачкина поддержать? Эта, как кажется, справедливая мысль на самом деле близка к бреду. Почему? Потому что Башмачкин уже потому защищён, что существует капитан. Акакий уже потому может властью писать свои буквы и спокойно «ложиться спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра?», что его оберегает капитан-исправник.

Что же хочет сказать автор этим абзацем? Что обосновывает? Революцию? Да, именно её, голубушку, зовёт Гоголь, и нужно сказать, что при любом государственном устройстве чтение книг с такими абзацами принесёт один и тот же плод – разрушение. В императорской России такие абзацы подточили империю, в Советском Союзе развалили СССР, в президентской России погубят и её. Подобные абзацы шьют всем читающим и одобряющим их (смехом ли, молчанием ли) наказание Божие – шинель.

И зачем эта заговорщицкая мина, которую делает автор, когда не называет департамента, в котором служит призрак Акакий? Неужели и вправду «во избежание всяких неприятностей»? Мне кажется, что Гоголь затем только и скрывает название этого департамента, чтобы *«одним департаментом»* (курсив автора. – Г.С.) назвать всю Россию. Вот уж, действительно, гений художественного слова!

Впрочем, мы хотели показать читателю, как камешек, брошенный с интеллигентским смешком в капитана-исправника, превратился к концу повести в булыжник пролетариата. Этот булыжник –

описание поездки значительного лица «к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения». Да-с, это уже не пьянство капитана, «не помню какого-то города», это прелюбодейство генерала столицы.

«Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: *bonjour, rара*. Супруга его, еще женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переверотивши ее на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашел приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело».

Да, задачи бывают разные... Но зачем писать о тех, судить о которых не наше дело? Или мы никого не судим? Мы пишем объективно, без осуждения? Пишем так, как оно есть?

Этим отговоркам трудно поверить, потому что, например, в телевизоре тоже показывают жизнь, как она есть, но лучше бы там ничего не показывали. Впрочем, гоголевское предложение написано витиевато, и нельзя понять, о чем судить «не наше дело»? О том ли, почему генерал изменяет жене с такой же по возрасту и по внешности женщиной? Или о том, почему он ей изменяет? Или вообще судить о генерале не наше дело?

Вы спросите: зачем нам в этих тонкостях разбираться? Затем, что здесь может быть западня. Может статься, что думая, что мы отвергаем всякое суждение о генерале, мы на самом деле отвергаем только то из них, которое касается его выбора Каролины Ивановны, которая «была ничуть не лучше и не моложе жены его», зато на все другие суждения о генерале даём своё согласие. О, с этими писателями нужно держать ухо востро. Поэтому подозревать меня в том, что я хочу видеть нечто там, где ничего нет – это, конечно, ваше дело, читатель, но моё дело довести до вашего сведения, что не всё так просто: разделяя слова писателей, мы должны будем разделить их загробную участь. *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф.12:36,37).

Пиша повесть, Гоголь хотел нас научить чему-то, так? А мы, читая её, должны извлечь урок. Только при таком отношении к литературе не будет греха празднословия ни у пишущих, ни у читающих. Чему же учит нас Гоголь этим рассказом из личной жизни генерала? Он осуждает его? Оправдывает? Извиняет? Говорит, что судить его – не наше дело? По-моему, ни то, ни другое, ни третье. Зачем же тогда он написал этот абзац?

Ещё могут спросить: а где у Гоголя сказано, что генерал изменял жене? Нет описания – нет преступления. Ну да, генерал чайком поехал побаловаться в другую часть города к заведённой для «дружеских отношений», т.е. для совместных чаепитий приятельнице. Или вы хотите сказать, что для доказательства измены, нужно её детальное описание? Да-а, читатель, избаловали вас телевидение и современная литература, уже воображения напрочь не хотите, всё вам подавай на блюдечке показанным и описанным. Впрочем, можно не сомневаться, что живи Гоголь в 21-м веке, его описание было бы соответствующим, но он жил в 19-ом, потому и писал так, как того требовало время.

И всё-таки, зачем было Гоголю касаться подробностей частной жизни значительного лица? Хотелось ему сказать о несправедливости, которую тот учинил в отношении Башмачкина, ну и сказал бы об этом. Зачем было Каролину Ивановну в эту историю вмешивать? По-моему, затем же, зачем в преогромнейшем томе какого-то романтического сочинения чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде.

Вы скажете, что я клевету на писателя Гоголя, что я не знаю его сердечных намерений, что не имею права судить о них и т.д. и т.п. Я, действительно, не знаю его намерений, но могу сказать точно, что они не соответствуют намерениям святых отцов. А раз так, то какими бы ни были писательские и учительские уроки Гоголя, они неприемлемы для христиан.

Убедиться в расхождении духовного устройства писателя Гоголя и святых отцов просто. Достаточно сравнить их рассказы. Одно из лучших поучений на тему, описываемую Гоголем, находим у аввы Дорофея.

«Что сделал святой Аммон, как однажды братья пришли к нему в смущении и сказали ему: "Пойди и посмотри, отче, у такого-то брата в келлии женщина"? Какое милосердие показала, какую любовь имела святая она душа! Понявши, что брат скрыл женщину под кадкою, он пошёл и сел на оную и велел им искать по всей келлии. Когда же они ничего не нашли, он сказал им: "Бог да простит вас". И так он постыдил их, утвердил и оказал им великую пользу, научив их не легко верить обвинению на ближнего; и брата оного исправил, не только покрыв его по Боге, но и вразумив его, когда нашёл удобное к тому время. Ибо, выслав всех вон, он взял его за руку и сказал ему: "Подумай о душе своей, брат". Брат сей тотчас устыдился, пришёл в умиление, и тотчас подействовало на душу его человеколюбие и сострадание старца».

Сравнивая выдуманную и невыдуманную истории, мы видим, что они учат разному. Старец покрывает грех, Гоголь открывает его. Старца просили рассудить, Гоголь сам судит то, чего касаться его никто не просил. Старец заботится о грешнике и своей любовью приводит его в умиление. Гоголь тоже заботится о генерале и тоже приводит его в умиление, но отличным от старца образом, о чём мы поговорим ниже. Короче, почти ничего общего у поучений аввы Дорофея с поучениями Гоголя мы не находим. Чему же учат нас последние?

И опять мне могут сказать, зачем же я, священник Божий, не покрыв грех раба Божия, как это сделал авва Аммон с оступившимся братом? Зачем осуждаю Николая Васильевича?

И опять я вынужден подчеркнуть, что личности Гоголя не касаюсь и говорю только о его литературе. Чему она учит? Любить? Миловать ближнего? Жить так, как святые отцы учили и жили? Нет, и ещё раз нет. Мстить – вот чему учит повесть Гоголя «Шинель».

VIII

Пришло время поговорить о посмертных похождения Башмачкина, и лучшего слова как «похождения» для его загробных дел не подобрать. Ночные налёты и грабежи, дерзкая борьба с будочниками, бандитское ограбление генерала, - это только часть дел, дошедших до писателя Гоголя и через него до нас, читателей «Шинели». А сколько ещё из посмертных злодеяний добрейшего обитателя столицы, безбиднейшего чиновника, Акакия Акакиевича Башмачкина остались сокрытыми в неизвестности и ночной тьме, кто знает?

«По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы – словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели».

Мы опять смеёмся, читатель? Хочу поделиться с вами профессиональным опытом. По долгу службы мне довольно часто приходится иметь дела с умершими, отпевать и хоронить их. Так вот, уже по виду покойника можно судить о многом. Иногда он бывает светлым и умиротворённым. «Отмучился», - как говорили в старину наши благочестивые предки. Действительно, будто на минуту прилёг отдохнуть от трудов человек, а не навсегда умер. Но чаще видишь обратное, как страсти, сдерживаемые человеком при жизни, после его смерти выходят наружу и, словно победители, усаживаются на мёртвом теле в виде различных неприятных картин.

Гоголевское описание посмертной участи Башмачкина может ли сместить верующих людей? Ведь ясно же, что мучается, страдает, не находит себе покоя призрачная душа мятежного Акакия. Когда к священникам в церковь приходят за советом, как поступить, если умерший снится, прося одежды или еды, то стараешься объяснить, что не еда и одежда нужны ему, но молитвы об оставлении его грехов и оказание помощи неимущим. Говоришь обеспокоенным и напуганным подобными снами людям, что нужно обратиться к Богу с усиленной просьбой об умилоствлении суда над усопшим. Говоришь это не от себя, но согласно многотысячелетнему опыту Церкви. Как же писатель Гоголь решает вопрос с мечущейся душой Башмачкина? Чем утешает и успокаивает её? Молитвами? Милостыней? Нет, генеральской шубой и самочинным судом, произведённым призраком Акакием над своим обидчиком.

«Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек, – отдавай же теперь свою!»

Обратился ли призрак Акакий в своём горе за помощью к Богу, как учит Псалтирь: *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс.54:23)? Вспомнил ли он слова Апостола Павла: *Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь* (Рим.12:19)? Нет, он сам отомстил обидчику, и писатель Гоголь ему в этом весьма поспособствовал. Каким образом? Да вот таким, что не писал бы он этой душевредной истории, никто бы не знал о ней, ни Достоевский, ни все последующие писатели и читатели, вышедшие из «Шинели» и прошедшие от опубликования повести в 1842 году до 1917 года бесславный путь от слов к делу, т.е. от слов о социализме в книгах к строительству социализма в жизни. Не писал бы Гоголь этой не научающей ни милости, ни терпению, ни смирению повести, но, напротив, как бы говорящей: верши сам свой суд, маленький человек, не надейся на Бога и царя, грабь награбленное, – не было бы и революции.

Я преувеличиваю? Или каким-то иным словом вы хотите назвать мои выводы, читатель? Но прочитайте самый конец «Шинели» и согласитесь со мной, что яснее выразить революционный замысел своей повести Гоголь, если бы и захотел, не смог.

«... итак, будучи бессилён, он [будочник] не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» – и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь. Будочник сказал: «ничего», да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте».

Призрак коммунизма, бродивший по Европе с издания в 1848 году «Манифеста коммунистической партии», оказывается, впервые появился не в Европе, но шестью годами раньше возле Обухова моста в Петербурге, выйдя из повести Н.В. Гоголя «Шинель». Призрак этот, по описанию Гоголя, носил преогромные усы и такой кулак, какого у живых не найдешь.

Почему я говорю, что призрак вышел из повести, а не замечен или отражён Гоголем в ней? Потому что согласно идеалистическим воззрениям на связь слов и дел, мыслей и поступков, литература не отражает, но двигает жизнь, не последствует, но даёт направление жизни. И обратите внимание, как верен себе автор, как не может он пройти без ядовитой шутки даже мимо будочника, благодаря службе которого Гоголь мог спокойно писать свои сочинения и получать за них неплохие гонорары.

«...один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилён (замечу, что выражение «несколько бессилён» не имеет смысла, потому что бессилие нельзя измерить; слова же «несколько», «немного», «сколькo-то» и т.п. выражают меру. – Г.С.), так что один раз обыкновенный взрослый поросенок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг

извозчиков, с которых он вытребовал за такую издевку по грошу на табак, – итак, будучи бессилён...» Что последовало из этого «итак», мы читали выше.

Вернёмся к значительному лицу. Как сказало на нём ночная встреча с призраком коммунизма? С удовлетворением замечаем, что переговоры двух героев повести «Шинель» на метельной улице Санкт-Петербурга принесли свои положительные плоды, а для читателей, как из генералов, так из более мелких чинов, плоды даже поучительные.

«Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплелся кое-как до своей комнаты и провел ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело».

Генерал смирился, стал меньше важничать и больше слушать то, что ему говорят подчинённые. Но сравним эти плоды с учительной пользой от чтения Жития святого Акакия. Сделать это сравнение легко, потому что, как в повести умерший чиновник Акакий видится со своим генералом, так в Житии умерший послушник Акакий встречается со своим наставником.

«Спустя пять дней после этого наставник его пошёл к одному пребывавшему там великому старцу и говорит ему: «Отче, брат Акакий умер». Но старец, услышав это, сказал ему: «Поверь мне, старче, я сомневаюсь в этом». «Поди и посмотри», — отвечал тот. Немедленно встав, старец приходит в усыпальницу с наставником блаженного одного подвижника и взывает к нему, как бы к живому (ибо поистине он был жив и после смерти), и говорит: «Брат Акакий, умер ли ты?» Сей же благоразумный подвижник, оказывая послушание и после смерти, отвечал великому: «Отче, как можно умереть делателю послушания?» Тогда старец, который был прежде наставником Акакия, поражённый страхом, пал со слезами на землю; и потом, испросив у игумена лавры келию **близ гроба Акакиева** (выделено мной. – Г.С.), провёл там остаток жизни уже добродетельно, говоря всегда прочим отцам: «Я сделал убийство»».

Вот это урок! Вот это назидание всем читателям Жития. Но непонятно, о каком убийстве горюет старец, когда меняет свой образ жизни на добродетельный? Ведь его послушник жив, да ещё как жив.

Под убийством, совершённым нерадивым старцем, нужно разуместь убийство его собственной души, как об этом пишет Апостол Иаков: *...похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть* (Иак.1:15), и Апостол Павел: *... возмездие за грех - смерть, а дар Божий - жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим.6:23).

Грех это убийство своей души, умерщвление её для вечной жизни. Стало бы, покаяние это воскресение и оживление души для жизни в Боге. Пример такого покаяния даёт нам наставник преподобного Акакия. Заметим кстати, что его имя, как имя богача в Евангельском рассказе о Лазаре, равно как и имя значительного лица в повести Гоголя, не сохранились в истории.

Обратим также внимание на гуманность «Шинели» и негуманность Жития. О чём речь? Если Гоголь лишил генерала, повинного в безвременной кончине Акакия, всего только шубы и душевного равновесия на незначительное время, то Иоанн Лествичник лишает нерадивого старчика всей привычной для него жизни и приковывает цепями покаяния к могиле своего ученика. И можно не сомневаться, что послушник, спасённый его дерзким нравом, теперь сам стал спасать старца своими молитвами.

Вот вам, читатель, ещё одно сравнение повести и Жития. Акакий из «Шинели» и после смерти не мог успокоиться, пока не отомстил оставшимся на земле обидчикам, тогда как Акакий из Лествицы, преодолев Божией благодатью и долгими бореньями страсть гнева при жизни, после смерти стал подавать помощь всем молитвенно призывающим его в борьбе с этой страстью. Поэтому самыми подходящими словами для завершения статьи будут слова: молитвами преподобного Акакия Синайского, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас и сугубо раба Твоего Николая. Аминь.